

УДК 94(574)

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.52-70

Татары-казаки Уральского казачьего войска на службе Российской империи

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В данной статье рассматривается функционирование татарской (тюркско-мусульманской) диаспоры в Уральском (Яицком) казачьем войске: ее история, численность, места компактного проживания ее представителей, их военная и гражданская служба, некоторые элементы их социального быта и отношений с представителями других этносов и конфессий и, в целом, их роль и место в Уральском казачьем войске.

Ключевые слова: Уральское (Яицкое) казачье войско, татары, мусульмане, турки, среднеазиатские военные кампании, подавление волнений в Казахской степи

Для цитирования: Дубовиков А.М. Татары-казаки Уральского казачьего войска на службе Российской империи // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.52–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.52-70>

Кого казаки называли татарами?

Под «татарами» в Уральском (Яицком) казачьем войске было принято называть всех мусульман, отчего в данную категорию попадали и местные ногайцы, являвшиеся коренным населением региона, и представители тюркских народов Поволжья и Приуралья, и переселенцы из Средней Азии и Северного Кавказа. Казахов татарами не называли, отдавая предпочтение официально принятому этнониму «киргизы», но если их представители попадали в ряды казачества (что случалось очень редко), то их также начинали называть татарами. Они сразу же становились членами исламской общины Уральского войска, и тогда уже их и их потомков ждала ассимиляция со стороны других мусульман, но, как правило, уже не казахов.

Конечно, если только они оставались мусульманами, но такое было не всегда. Если же казахи, принятые в казачью общину, меняли веру, переходя в христианство (как правило – в единоверие), они, наряду с верой, меняли и имена, а зачастую приобретали также новые фамилии и даже отчества. Такие изменения могли происходить не только после, но и до принятия в ряды казачества. Так, в ноябре 1887 г. Съезд выборных от станичных обществ принял решение о приеме в казаки «выкрестов из кирги-

зов» Василия Фадеева сына Жиберикова и Павла Кондратьева сына Чеснокова «с занесением в наличный комплект полевых казаков» [13, 1888. №1]. Тем самым Съезд удовлетворил ходатайства их станичных обществ. Конечно, поначалу для остальных казаков эти люди были «киргизами», но в дальнейшем этнические границы стирались, дети и внуки таких «выкрестов» были уже обычными казаками, такими же, как и все остальные. Естественно, они становились «русскими» и теряли со временем свою «татарскую» идентичность. Спустя двенадцать лет упомянутый Павел Чесноков, по выслуге лет, был выведен из полевого разряда казаков Сахарновской станицы. По этому поводу местная газета отмечала, что данный казак, «по летам отроду, которых в настоящее время 41, перечисляется в отставку с 17 октября 1899 года» [13, 1900. №6].

Надо отметить, что в Уральском войске между казаками никогда не возникало конфликтов на этнической или религиозной почве. Между представителями разных этносов поддерживались если не дружеские, то, как минимум, уважительные отношения. В отличие от других казачьих войск России, Уральское войско являлось единой (и самой большой в России) общиной. Все свои вопросы эта община решала, если не напрямую, то через своих выборных представителей. Принадлежность к ней, вкуче с совместным прохождением воинской службы (никаких этнических формирований в Уральском войске предусмотрено не было), сплачивала казаков разных вер и национальностей. Казаки-мусульмане не считали зазорным участвовать в военных кампаниях против «басурманов», будь то войны с турками, присоединение Средней Азии или подавление волнений в Казахской степи.

Компактное проживание казаков-татар.

В Уральском казачьем войске имелись, хотя и в небольшом количестве, поселки и станицы как с татарским, так и со смешанным русско-татарским населением. Татарские селения располагались, в основном, в северной и северо-восточной части Уральского войска, где они граничили с юго-западными землями Оренбургского казачьего войска. Косвенными свидетельствами, позволяющими судить об этническом составе населенных пунктов и регионов, могут служить не только результаты различных переписей и ревизий, но и другие документы. Например, документы, фиксирующие представителей тех или иных поселков, выходящих на действительную службу. Или же на «льготу». Так, 12 ноября 1893 г., согласно приказу наказного атамана генерал-майора К.К. Максимовича, в разряд внутренне-служащих из полевого разряда переводились пять казаков и столько же казаков Мухорского поселка. Их имена – Гафьятулла Гайнутваров, Шайхутдин Назметдинов, Шайхутдин Шаяров, Шайхаттар и Сахатутдин Шагизьяновы, Рахматулла Аиткуллов, Абдулвагап Балыков, Мустай Искендеров, Давлет-Галий Нигаев и Гусман Сяндюков. В подобном списке по Мустаевской станице также все были татарами. Список по Мухра-

новскому поселку несколько отличался; в нем были указаны 7 татарских и 11 русских имен. Похожей была картина и в Кушумском поселке – 5 татар и 6 русских¹.

Доля татар среди казаков Уральского войска.

Кроме татар в Яицком (а затем – Уральском) войске еще с первой половины XVIII в. присутствовали калмыки. Однако, в отличие от татар, доля калмыков в составе войска периодически изменялась. Это было связано не столько с русификацией, сколько с их попыткой возвращения на историческую родину в начале 1770-х гг. после несогласия с политикой Екатерины II. Тогда калмыки-казаки проявили солидарность со своими соплеменниками, направившимися в «Зюнгорию». В отличие от калмыков, доля казаков-татар была относительно стабильна и составляла примерно 5–6 процентов казачьего населения, и это было намного больше, чем доля калмыков.

В 1769 г. в столице войска, Яицком городке, побывал П.С. Паллас. Он отметил, что среди населения городка, кроме русских, также немало «некрещеных татар» и «кизельбашей» [5, с.412]. Вскоре в Яицком войске была проведена перепись, показавшая, что при Яицком городке состояли казаки, расписанные по 32 сотням. Состав одной из этих сотен, которую возглавлял Сапар Ахметев, был исключительно татарским. Последняя (32-я) сотня Василия Пузаткина насчитывала только 8 десятков и имела смешанный русско-татарский состав².

Еще часть яицких казаков была расписана по линейным укреплениям (форпостам и крепостям), в гарнизонах которых они несли службу. Доля татар в них была выше, чем в «столичном» гарнизоне. В Коловертном форпосте из 35 «душ мужского пола казачьего сословия» было 12 татар. В Индерской крепости были аналогичные показатели – 130 и 24³.

Но и это еще не все. Кроме Яицкого городка и линейных укреплений, в Яицком войске тогда еще имелись два крупных селения, называвшихся «станицами» – Илецкая (на берегу Илека) и Сакмарская (на берегу Сакмары). В Илецкой станице проживали 898 «душ мужского пола казачьего сословия», среди которых было 85 татар. В другой станице из 617 казаков и казачат татарами были 52⁴. Таким образом, татарское население (мужское) в процентном отношении в этих двух станицах составляло соответственно 9,5% и 8,4%. Это не так много, но несколько выше, чем в среднем по войску.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.213–222.

² Там же. Л.46–57, 514–525.

³ Там же. Л.547–583.

⁴ Там же. Л.658–675.

Спустя примерно столетие картина несколько изменилась. Это было связано с тем, что приведенная выше перепись практически совпала с уходом значительной части калмыков и с выводом (с 1869 г.) из состава Уральского войска Сакмарской станицы, которая полностью передавалась в ведение Оренбургского казачьего войска. Кроме того, в составе Уральского войска с 1832 по 1865 годы находился Башкирский отдел. В 1862 г., когда в Уральском войске была проведена очередная перепись, в нем все еще присутствовали и Башкирский отдел, и Сакмарская станица. Согласно той переписи, в Уральском войске проживали 81998 казаков «обоего пола» и всех возрастов. Понятно, что подавляющее большинство составляли русские – 70331 человек. Второе место по численности пока еще занимали башкиры – 6095 человек. На третьем месте были татары – 4168 «душ». Далее шли калмыки (1184) и «прочие» [11, с.330–331]. Подавляющее большинство этих «прочих» были выходцами из Средней Азии – те, кого в Уральском войске называли «бухарцами», «кизельбашами», «трухменами», но больше всего было каракалпаков. Это были, в основном, те, чьи предки бежали от нашествия персидского правителя Надир-шаха в период его Бухарского и Хивинского походов 1737–1740 гг.

Если учесть, что башкиры, в отличие от татар и калмыков, так и не ставшие полноправными казаками, вскоре были выведены из состава Уральского войска, то без учета их татары вновь возвратятся на второе, а калмыки – на третье место. В итоге доля русских вырастет с 86 до 92,5 процентов, доля татар – с 5 до 5,5 процентов, доля калмыков – с 1,4 до 1,5 процентов. Доля «прочих», как и прежде, будет колебаться в районе 0,5%.

Спустя полтора десятилетия ситуация не изменилась. Перепись 1876 г. показала, что татары и калмыки, как и прежде, составляли 5,5% и 1,5% соответственно. А доля русских, несмотря на потерю Сакмарской станицы, выросла на полпроцента, достигнув 93%. С одной стороны, доля русских в той станице была не выше, а даже ниже средней по Уральскому войску. С другой стороны, небольшой рост произошел за счет тех же самых «прочих», которые, по выражению Н.А. Бородина, «обрусели окончательно». Очевидно, по той же причине эти прочие так и не попадали в категорию «татар».

Спустя еще десятилетие вновь наблюдалось некоторое увеличение доли русских при серьезном сокращении доли калмыков, которые, по всей видимости, постепенно шли по пути «прочих». В 1885 г. русских было 93 658 «душ» (93,7%), калмыков – 934 (0,9%), татар – 5378 (5,4%) [1, с.138–139].

В 1897 г. была проведена Первая Всероссийская перепись населения, 88-й том которой с итоговыми данными переписи был посвящен Уральской области. На тот момент в Уральском войске оказалось 106688 русских казаков и казачек (93,5%), численность татар достигла 6304 (5,5%), калмыков – 963 (0,8%). Сокращение доли русских на 0,2% можно объяснить тем, что кроме трех прежних национальностей в рядах казачества

появились представители еще семи, в общей сложности, составлявшие как раз те самые 0,2% [9, с.115–116]. В основном это были казахи («киргизы»). По всей вероятности, они стали казаками не так давно, и еще не успели попасть ни в категорию «татар», ни в категорию «русских». Представителей прочих национальностей были единицы.

Татары в составе войскового чиновничества и войсковой интеллигенции.

В 1772 г., как следует из тогдашней переписи Яицкого войска, при войсковой администрации состоял только один татарин – Мавлекей Ицмагулов (очевидно, местный ногаец).

Согласно той же переписи, ни в станицах, ни в линейных укреплениях Яицкого войска татары не занимали командных должностей. Лишь в Гурьеве и Сахарной крепости они занимали должности толмачей, т.е. переводчиков (Мухамед Мульмин и Джуман Щербюкеев). Но даже не все толмачи были представителями тюркских народов. Так, в крепостях Тополиной и Сарайчиковской эти должности занимали русские (возможно, крещенные татары). В остальных крепостях и форпостах толмачей не было⁵.

В 1813 г., согласно войсковым послужным формулярам, в числе полковников и подполковников мусульман не было. Обладателями этих чинов были семеро уральских казаков. Столько же казаков имели чин войскового старшины (соответствовавший майору). Среди них был один татарин – Узбек Тюняев. Среди казачьего офицерства были и обладатели армейских чинов. Обычно это были казаки-гвардейцы, служащие или ранее служившие в гвардейских казачьих подразделениях столицы. Как правило, все они были обладателями дворянства, личного или даже потомственного. Но татар среди них не было; все майоры и поручики были русские. Не было татар и среди есаулов. Среди 104 самых младших казачьих офицерских чинов (сотников и хорунжих) татар было трое – Шамай Тангаев, Абыш Ураев и Искендер Тангатаров. Среди урядников их было четверо из 128: Ахмет Хаметьев, Искендер Чубеков, Утяп Юсупов и Апкеш Утяпов⁶.

До 1870-х гг. обучаться в военных учебных заведениях могли лишь те, кто мог предъявить документ о принадлежности к дворянскому сословию. Таковые имелись даже среди мусульман, хотя и в небольшом количестве. Так, среди четырех уральских казаков, окончивших Оренбургский (Неплюевский) кадетский корпус в 1867 г. и получивших чин хорунжего, был Ахмедфазыл Акиров [13, 1867. №38].

Обучение в Уральской войсковой мужской гимназии было платным (позже эта гимназия была реорганизована в реальное училище с сельскохозяйственным уклоном). По этой причине обучались там дети не только казаков, но и всех, кто мог оплатить учебу – купцов и чиновников, не вхо-

⁵ РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.616, 635, 642, 575.

⁶ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3092. Л.5, 57, 61, 73, 76, 81, 89.

дящих в казачью общину. Впрочем, и у большинства казаков не было возможности (а зачастую и желания) отправлять туда своих детей и платить за их обучение. Но если у кого-либо из числа заслуженных казаков (прежде всего – офицеров) были затруднения в материальном плане, то войско готово было оплачивать учебу их детей. Для этого в разные годы существовали различные стипендии, среди которых были как войсковые, так и частные, учреждаемые местными меценатами и спонсорами. Так, на стипендию имени оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в гимназии обучался Давлетгерей Чулаков, сын казачьего сотника Чулака Айбасова [13, 1876. №51] (до конца XIX в. мусульман обычно не было фамилий, роль которых играли отчества).

Во второй половине XIX в. в различных документах регулярно фигурировали такие фамилии, как Искаковы и Нуралины. Фамилию «Искаков» сегодня можно встретить у казахов. По фамилии «Нуралин» нетрудно догадаться, что ее носители были потомками хана Нурали, правителя Младшего казахского жуза. Но называть обладателей данной фамилии казахами (в то время – киргизами) не совсем правильно. В представлении потомков Чингисхана, к коим принадлежал Нурали, «киргизы» (казахи) – это простолюдины, тогда как чингизиды – люди с набором различных восточных кровей в результате многовековых династических браков между представителями знати разных восточных (в основном – среднеазиатских) стран.

В конце 1882 г. в «Уральских войсковых ведомостях» был размещен приказ №548 наказного атамана князя Г.С. Голицына о переводе сотника Искакова на новую должность: «И.д. переводчика татарского языка при Уральском областном штабе сотник Мурза-Ахмет Искаков назначается мною, с 1-го предстоящего декабря в состав Уральского казачьего полка №3» [13, 1882. №48].

Спустя девять лет из той же газеты можно узнать, что к тому времени Искаков по-прежнему оставался в чине сотника и был сотенным командиром одного из льготных полков. Еще одним льготным сотенным командиром был есаул Нуралин. И это были все офицеры-мусульмане, служившие при шести льготных полках, включавших в себя в общей сложности 32 сотни. Тогда Уральское войско отмечало 300-летие своего служения Российскому престолу. На торжественных мероприятиях, в числе которых был парад льготных полков, присутствовал наследник-цесаревич Николай Александрович, будущий Николай II. Сотник Мурза-Ахмет Искаков тогда возглавлял 3-ю сотню 5-го полка, а есаул Будай Нуралин – 3-ю сотню 6-го полка [3, 1991. №4].

Мурза-Ахмед Искакович Искаков так и не сумел сделать блистательной военной карьеры. В 1898 г., будучи уже далеко не молодым человеком, он, имея чин подьесаула, занимал пост начальника военной команды Уильского укрепления – одного из двух укреплений, находившихся в Казахской степи и вверенных Уральскому войску. На такие должности часто назначались казачьи офицеры, имевшие тюркское происхождение; счита-

лось, что им легче находить контакты с обитателями Казахской степи. Но не всегда; начальником второго укрепления (Темирского) был подьесаул С.Н. Астраханкин. Брат Мурзы-Ахмеда, Хузей Искакович Искаков, на воинской службе не состоял, имея статский чин коллежского асессора и занимая в 1898 г. при Уральском областном правлении должность переводчика с татарского и «киргизского» языков [6, с.132, 159].

Несколько удачнее сложилась карьера Будая Шарафовича Нуралина. Его имя упоминалось в местной газете в 1885 г., где содержалась следующая информация: «Журнальным постановлением Уральского Войскового Хозяйственного правления состоявшемся на 10 число сего мая, чиновник особых поручений при этом Правлении, есаул Будай Нуралин уволен в 2-х месячный отпуск для лечения кавказскими минеральными водами внутри империи с сохранением получаемого содержания» [13, 1885. №21].

Спустя три года из той же газеты можно узнать, что Будай Нуралин по-прежнему есаул, занимающий ту же должность. В газете приведены слова атамана, по донесению Нуралина, решившего наказать станичных атаманов, чьи подчиненные были уличены в водном браконьерстве: «Вследствие донесения старшего чиновника особых поручений при Хозяйственном Правлении, есаула Нуралина, о производстве потаенного рыболовства в реке Урале ниже учуга, в районе 1-й и 2-й Уральских станиц, объявляю атаманам этих станиц выговор» [13, 1888. №33]. Самих браконьеров ждало более строгое наказание (вплоть до уголовного).

Об участии Нуралина в параде льготных полков в 1891 г. сообщалось выше. Но на этом его карьера не заканчивалась. В 1898 г. он все еще оставался в чине есаула, хотя прежнюю должность (офицера для особых поручений при наказном атамане) он совмещал с двумя другими – заведующий арестантским домом и заведующий первой рыбопошлинной конторы, расположенной в Уральске. Вторая рыбопошлинная контора находилась в Гурьеве, на тот момент ее начальником был есаул О.А. Попов [6, с.150, 159]. Спустя два года Будай Шарафович занимал те же самые должности, только уже в чине войскового старшины. Вторую рыбопошлинную контору теперь возглавлял есаул И.П. Завьялов [7, с.290, 300].

Поскольку не все начальники казачьих команд свободно владели казахским языком, при штате этих команд предусматривалась должность переводчика. В начале 1890-х гг. такую должность при Уильском укреплении занимал нестроевой старшего разряда (казак, освобожденный от строевой службы) Ибрагим Ишалин. Очевидно, со своими обязанностями он справлялся неплохо, поскольку в той же местной газете сообщалось, что он «за выслугу 10 лет сверхсрочной службы награждается серебряною медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте» [13, 1893. №1].

По данным на 1898 год, практически все атаманы станиц и поселков были русские, даже там, где население было смешанное или преимущественно татарское (в Мустаевской станице – Ф.Н. Забродин, в Мухранов-

ском – Я.А. Жеребятников, в Студеновской – Е.И. Ермилов, в Чижинском – И.М. Иванаев и т.д.). Нерусских поселковых атаманов было лишь двое – урядник Галий Кусяпович Кумаев (Мокринский поселок) и урядник Учир-Батан Кинзекенев, калмык (калмыцкий поселок Кисык-Камыш) [6, с.152].

Через два года картина оставалась та же: почти все атаманы станиц и поселков – русские, даже там, где в основном или частично, жили татары (в Мустаевской – С.В. Телятов, в Мухрановском – тот же Жеребятников, в Студеновской – П.К. Самаркин, в Чижинском – Я.М. Зусанов и т.д.). Нерусских атаманов по-прежнему было двое: в Мокринском – тот же Галий Кумаев, а в поселке Кисык-Камыш Учир-Батана Кинзекенева сменил крещеный калмык Семен Чиданов [7, с.292–293].

Тоже касается и учителей всех 95-ти станичных и поселковых школ, имевшихся в Уральском войске в 1898 г. Практически везде учителями были русские, даже в поселках со смешанным или нерусским населением. В Мустаевской школе единственным ее учителем был А.Я. Сорокин, в Студеновских мужской и женской школах – А.В. Соловьев и Т.И. Пахомова соответственно. В Мухрановской школе – Л.Г. Моисеев, в Чижинской – Е.И. Денисов и т.д. Нерусских учителей было трое – Абдулла Галиевич Кумаев (в Пятимарском), очевидно, сын Галия Кусяповича, калмыки Нимкан Аршаев и Учир Казылбашев (в калмыцких поселках Кисык-Камыше и Кармановском) [6, с.158].

В 1915 г. в Войсковом правлении нерусских чиновников уже не было, как и должности переводчика. Причем почти все члены правления имели гражданские чины (кроме начальника 1-го стола 2-го отдела А.И. Дынникова). Это было следствием начавшейся Первой мировой войны, в ходе которой на фронт были отправлены не только все льготные полки, но и ряд отдельных команд. В результате количество мобилизованных превысило даже штат, установленный для военного времени. По той же причине все атаманы станиц и поселков были отставниками (как правило – урядниками, изредка попадались отставные офицеры и гражданские чины) [8, с.19–31]. Среди полковых и сотенных командиров всех 9-ти полков, находившихся на фронте, мусульман также не было.

Участие казаков-татар в военных действиях.

Татарские имена и прозвища можно встретить, хотя и редко, в списке яицких казаков, принимавших участие в Смоленской войне 1630–1632 гг., составленном для Богдана Змиева. Списка участников неудачного похода Бековича-Черкасского не сохранилось, но, если бы таковой имелся, в нем обязательно бы присутствовали и казаки-татары. По крайней мере, среди нескольких уцелевших яицких казаков оказался Ахметев Уразмет (вероятно, Ураз-Ахмет). Наряду с чудом спасшимися земляками – Михайлой Белотелкиным и Федором Емельяновым [4, с.75–79], он был в числе тех, кто поведал о трагических событиях, произошедших с отрядом Бековича-Черкасского [15, с.375].

Татарские имена и фамилии также можно обнаружить, обратившись к послужным спискам («формулярам») начала XIX в. Из них, например, следует, что казак Шамай Тангаев «в молдавской армии противу турок в неоднократных сражениях был» в период с 1808 по 1811 годы. Другой татарин-казак, Ахмет Хаметьев, в «киргизской степи» служил в 1804 г., а в 1811 г. «в Молдавии противу турок» сражался. В «многократных сражениях противу турок» участвовал и Апкеш Утяпов (в 1807–1811 гг.). В «азиатской степи» и в «резервных командах за Уралом» несли службу Искендер Чубеков и Утяп Юсупов⁷.

Проявили себя казаки-татары и в среднеазиатских кампаниях. Неувядаемой славой покрыли себя уральские казаки, отличившись в так называемом «иканском деле». Тогда, укрывшись в овраге близ селения Старый Икан (около занятого русскими Туркестана), сотня есаула Василия Родионова (по другим данным – Иродионова) Серова трое суток отражала атаки десяти тысячного войска кокандского правителя Алимкула. Отбиваться от наседавшего противника приходилось без еды и без теплой одежды, хотя эти события происходили зимой (4–6 декабря 1864 г.). Большая часть казаков погибли или вскоре умерли от полученных ран. В их числе был и казак Насыр Фаткуллин [14, с.48].

О героизме казаков, проявленном в ходе среднеазиатских кампаний, регулярно сообщалось в «Уральских войсковых ведомостях», местной еженедельной газете. Она начала выходить в Уральске с 1867 г., но в номерах за тот год содержалась информация и о событиях предыдущего года. В частности, там сообщалось, что весной 1866 г. в боях с армией бухарского эмира отличился уральский казак Бухар Хусаинов, получивший за храбрость знак отличия Военного Ордена. А сотник Уральского казачьего войска Курбан Баукаев за героизм, проявленный им в той же кампании, был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом «для магометан». Чуть позже, проходя службу при Туркестанском военном губернаторе, он получил орден Святой Анны [13, 1867. №№6, 18, 19].

В самом начале 1880 г. войсковая пресса вновь упомянула Курбана Баукаева, к тому времени уже войскового старшину, отметив, что он «увольняется со службы по домашним обстоятельствам, ... подполковником, с мундиром, с пенсионом полного оклада» [13, 1880. №2]. Чин войскового старшины тогда приравнялся к чину армейского майора, следовательно, при увольнении Баукаев получил очередной воинский чин. Спустя 4 года в российской армии майорский чин был упразднен, и после чина капитана сразу шел чин подполковника. Но в казачьих частях чин войскового старшины остался. Правда, теперь он соответствовал армейскому подполковнику. Стало быть, присвоение Баукаеву при увольнении очередного чина, по сути, ничего не дало.

⁷ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3092. Л.53, 73, 76, 81, 89, 98.

Обращаясь к страницам полуторавековой давности, можно найти и другие примеры героизма, проявленного казаками-мусульманами (которых в Уральском войске называли «татарами»). В 1870 г. Знаком Военного Ордена был награжден урядник Магомеджан Чапаев [13, 1870. №47]. Такие же награды в начале 1881 г. получили казаки 6-й сотни 2-го Уральского казачьего полка Нурей Хабибуллин и Райман Джаугагаров за то, что проявили «храбрость и стойкость при нападении на них шайки туркмен 26 октября минувшего года, близ Кисык-Чакуюсы» [13, 1881. №8].

Произошло это во время подготовки к Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. В ходе той экспедиции среди погибших и умерших от ран были и уральские казаки, включая одного офицера. Среди них был казак Джалдыбаков. Умирая, он с гордостью сказал, что в его роду все уклонялись от службы, но он отслужил за них сполна, был представлен к заветному Георгиевскому кресту [2, с.71]. И это лишь отдельные примеры, коих было, конечно же, больше.

Среди казаков-татар было немало и тех, которые отличились, «водворяя порядок» в Казахской степи. С начала 1869 г. вступило в силу новое положение об управлении «киргизской степью», после чего в Младшем казахском жузе (он же – «Кіші жуз» или «Малая киргизская орда») начались волнения, в ходе которых наибольшую агрессивность, как всегда, проявили адаевцы (род «адай»). Положение ограничивало власть казахской родоплеменной верхушки и исламского духовенства, но вводило в Казахской степи выборное начало, позволившее избирать на административные должности не только представителей знати, которые, будучи недовольными таким положением дел, спровоцировали крупные волнения. Они говорили простым казахам, что скоро их будут крестить, забирать в солдаты и т.п. Этого оказалось достаточно, чтобы взбунтовать значительную часть безграмотных и забытых обитателей Казахской степи.

Часть знати, приняв новые условия русских, вместе с ними попыталась проводить в своих аулах разъяснительную работу, склоняя соплеменников к принятию нового положения. Их сопровождали небольшие отряды казаков, как правило, не более 10–12 человек каждый. Одна из таких делегаций столкнулась с конной толпой в несколько сотен мятежников. Как пишет В.А. Потто, с приближением толпы «казаки живо сдвинули сани, сбатовали лошадей и зарядили ружья». Казахи «подскочили в упор, но, видя, что вагенбург готов к обороне, остановились», не рискуя атаковать его.

Затем начались переговоры, для ведения которых в стан противника отправился казак Шамсутдинов. Видимо, он лучше других мог общаться с казахами на их родном языке. Конечно, еще лучше их языком владел ехавший с русскими казахский бий Тавасаров, но если б на переговоры отправился он, то разъяренная толпа тут же бы его растерзала, ведь именно это она намеревалась сделать, считая бия предателем.

После того как русские отказались выдать Тавасарова, мятежники окружили вагенбург и начали готовиться к его штурму. Вагенбург с трудом удалось отбить без потерь, благодаря дружным метким залпам из казачьих винтовок. Однако было ясно, что двенадцать казаков не смогут бесконечно долго отбивать атаки противника, численностью не менее четырехсот всадников. К счастью, среди казахов нашлись несколько человек, готовых оказать помощь русским и под покровом темноты вывести их из окружения [10, с.113–115].

Чуть позже похожая, но гораздо более трагичная история произошла с бием Маяевым, которому повезло меньше. Он погиб вместе с подполковником Рукиным, мангышлакским приставом, и сопровождавшим их отрядом уральских казаков при нескольких офицерах [10, с.122–127]. Были ли татары в отряде Рукина – неизвестно. Скорее всего, были. Но списка имен казаков, сопровождавших пристава, коих было около полусотни, не сохранилось (до нас дошли лишь несколько офицерских и урядничьих имен). Не дошли до нас и имена двух сотен уральских казаков Форт-Александровского гарнизона, которые сразу после гибели отряда Рукина отражали атаки адаевцев.

Летом 1870 г. в Казахской степи 20 казаков (14 донских, 3 оренбургских и 3 уральских), сопровождавших караван из 130 верблюдов, подверглись нападению крупного отряда адаевцев. До прихода помощи казаки героически оборонялись. Трое из них погибли, остальные получили по несколько ранений каждый. В их числе был уральский казак Халимов, на которого параллельно были возложены функции переводчика [12, с.165–166].

Казак Джалдыбаков, погибший в 1881 г., неслучайно признался, что «отслужил сполна» за своих родственников, предпочитавших уклониться от службы. Уральское войско было единственным среди всех казачьих войск, в котором служба «наемкой» формально сохранялась вплоть до 1917 г. (фактически – до Первой мировой войны).

Наемка позволяла зажиточным казакам откупаться от выхода на действительную службу, хотя ее механизм со временем совершенствовался. На более раннем этапе можно было просто выставить вместо себя другого человека, заплатив ему или его близким. Позже деньги с остающихся дома поступали в «нетчиковый капитал», средства из которого шли на выплату «подмоги» идущим на службу казакам, среди которых, как и прежде, оказывалось немало «охотников», желавших заработать. Дополнительным стимулом для охотников была возможность пожить за счет победенных, на что командиры долгое время закрывали глаза.

Благодаря наемке, уклонялись от службы, как правило, богатые казаки, основным занятием которых была не служба, а предпринимательская деятельность. Конечно же, большинство зажиточных казаков были этнически русскими. Но в процентном отношении (среди представителей своего народа) лидировали татары (мусульмане), слывшие самыми крепкими хозяйственниками. По этой причине именно среди них был наиболее вы-

сокий процент тех, кто пользовался наемкой ради коммерческих интересов. В отличие от других казачьих войск, в Уральском войске даже выход из казачьего сословия и переход в другое сословие (например, купеческое или мещанское) не влек за собой выход из казачьей общины, члены которой на территории войска имели ряд прав и привилегий (имущественных и юридических), которых не имели прочие жители края.

Благотворительная деятельность казаков-татар.

Поскольку доля зажиточных казаков у татар была выше, чем у представителей других народов, то и доля благотворителей среди них была сравнительно высокой. Вот лишь некоторые примеры:

Отставной казак Аюш Кулеев пожертвовал 300 рублей серебром (в то время очень значительная сумма) на покупку отсутствовавших в его родной Кулагинской крепости пожарных инструментов. За этот благотворительный поступок наказный атаман Н.А. Веревкин ходатайствовал перед военным министром Д.А. Милютиним о представлении Кулеева к награде [13, 1868. №3], что и было исполнено министром.

Не такую внушительную, но все же немалую для того периода сумму (10 рублей серебром) на приобретение мебели для школы Чаганского форпоста пожертвовал казак того же поселка Умурзай Умурзаев. Соответственно, и поощрение было более скромное – благодарность от атамана (названного в приказе «командующим Уральскими казачьими войсками») [13, 1868. №37].

Если наказный атаман ходатайствовал перед столичными властями, то атаманы отделов обращались с ходатайствами к нему самому. В частности, наказный атаман Н.Н. Шипов своим приказом №258 поддержал рапорт атамана 3-го войскового отдела от 24 апреля 1889 г. под №1091 с просьбой об объявлении благодарности казаку полевого разряда Кармановской станицы Канзибулату Мургаеву. По словам атамана, Мургаев раздавал сено всем нуждающимся жителям Кармановской и Глиненской станиц, причем «безвозмездно», «движимый чувством человеколюбия» [13, 1889. №19].

Были поощрения и от венценосных персон. В «Уральских войсковых ведомостях» от 22 сентября 1874 г. сообщалось, что «Государь Император во второй день августа Всемилостивейше соизволил пожаловать отставному казаку Уральского казачьего войска Кужантаю Абдрахманову золотую медаль, с надписью «За усердие», для ношения на шее, на Станиславской ленте, за пожертвования, сделанные им на общественную пользу» [13, 1874. №37].

Другим казаком, удостоенным императорского внимания, стал Сегет-Гирей Узбеков, оказавшийся в числе тех, кому «Государь Император в 17-й день сентября сего года [1882 – А.Д.] Всемилостивейшее соизволил пожаловать медали с надписью «За усердие», для ношения на груди на Станиславовой ленте». Такой награды казаки были удостоены за «отлич-

но-усердную службу» и вновь за «пожертвования на общественную пользу» [13, 1882. №46].

Благотворительность – это не только денежные пожертвования, но и другие дела на благо своего поселка, станицы или войска в целом. Например, казак Абдрахам Аземуратов обращался в Войсковое правление с просьбой приобрести и передать ему 200 саженцев. Со своей стороны он обещал высадить их, чтобы развести небольшую рощу в районе реки Вторая Чижа. При этом подчеркивалось, что будущая роща станет не частной, а общественной собственностью, что подтверждает, что казаком движет не жажда наживы, а стремление к облагораживанию его родной Чижинской станицы [13, 1869. №47].

Все приведенные выше случаи – это лишь часть примеров благотворительности.

Правонарушения с участием казаков-татар.

Конечно, среди казаков-татар встречались, как и среди русских или представителей других народов, не только герои, но и правонарушители и нарушители общепринятых норм морали. Можно привести ряд соответствующих примеров.

Если считать участников пугачевщины мятежниками и разбойниками (во многом это именно так, ибо героизация того мятежа в советской историографии – это явное идеологическое клише, мало отражавшее реалии), то понятно, что среди казаков-татар таковые имелись. Уже после подавления восстания, весной 1775 г. (Пугачева бывшие сообщники «сдали» еще в сентябре предыдущего года), в тюрьмах Оренбурга и Казани находились свыше двухсот яицких казаков. Среди них татарами были двенадцать. Это – Сапар Булатов, Акберды Даутов, Тюлай Исмаилов, Нияз Кадыров, Арсай Искаев, Мавлекей Намжалов, Ежудай Смаилов, Сююндук Тангаев, Кумай Тепенеев, Бикмурат Ниязов, Урманай Чюлдашин, Кучюк Чжажеев⁸. Можно сделать вывод, что процент татар среди казаков-мятежников был примерно такой же, как и их процент в Яицком войске в целом. Практически все казаки, содержащиеся под арестом, по предложению императрицы Екатерины были прощены и отпущены на свободу. Оставлены в тюрьмах были лишь несколько человек, причем по личной просьбе атамана Андрея Бородина, да и те не были татарами. Императрица не желала продолжать конфликт с яицкими казаками, желая как можно быстрее предать забвению их участие в мятеже (поддержанным, кстати, большею частью казачества).

Оставив за рамками социальные потрясения вроде пугачевщины, можно перейти к рассмотрению действий отдельных представителей уральского (в недалеком прошлом – яицкого) казачества. Не рядовой ка-

⁸ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.3. Оп.1. Д.145. Л.68–70.

зак, а урядник Габбей Ишмуратов, проходя службу в Туркестанском военном округе, с целью личного обогащения организовал незаконные поборы с аульных жителей, за что был «разжалован в казаки и отдан в исправительную роту в городе Оренбурге на 2 года» [13, 1869. №34].

Были и более банальные правонарушения. Например, казак Ахмеджан Мусин за устроенный им пьяный дебош был отправлен в Оренбургскую военно-исправительную роту на два года. Кроме того, у него был отобран полученный ранее орден [13, 1876. №15].

Житель Уральска Себегатулла Кафетулин казаком не был, но возможности пополнить общину казаков-татар он лишился после того, как в новогоднюю ночь (на 1-е января 1882 г.) похитил лошадь со двора казака Халилова [13, 1882. №10]. Конечно, таких примеров можно привести еще много.

Несчастные случаи с участием казаков-татар.

Казаки-татары, будучи мусульманами, в отличие от русских казаков, употребляли алкогольные напитки реже и в меньших объемах, да и то это делали не все татары, а лишь часть их. Поэтому, если несчастные случаи, происходившие с русскими казаками, чаще всего были связаны с чрезмерным употреблением спиртного, то у казаков-мусульман такое было большой редкостью. Несчастные случаи, происходившие с ними, обычно никак не были связаны с потреблением алкоголя. Более того, у мусульман жертвами несчастных случаев чаще становились женщины, чем мужчины. Вот лишь некоторые примеры.

В августе 1875 г. местная газета сообщала, что «15 июля жена казака Мухрановского поселка Гизетуллы Тазеева, Гильзкмала, и дочь казака Файзузы Мулюкова Гильмазямала, переправляясь через реку Урал в лодке, по неосторожности, вывалились из оной и утонули» [13, 1875. №33].

В сентябре 1889 г. та же газета писала, что «6-го августа в Уральском уезде, близ Подтяжкинского поселка Чижинской станицы, убита громом жена казака упомянутого поселка Алтына Контитекова» [13, 1889. №38].

Конечно, это далеко не все несчастные случаи. Здесь следует добавить, что поселки Мухрановский и Подтяжкинский имели этнически смешанное население. Но при этом в первом из них мусульманское население было представлено волжско-уральскими татарами, тогда как во втором под татарами понимали казаков-мусульман из числа казахов («киргизов»).

Мусульмане, не входившие в Уральскую казачью общину.

К началу XX в. мечети имелись в ряде станиц и поселков Уральского казачьего войска, преимущественно в его северной части – в Мустаевской, Студеновской и других станицах. Имелись мечети и в других местах компактного проживания мусульман. Была мечеть и в самом Уральске, в районе, называвшемся Татарской слободой, где жили как казаки-татары, так и прочие мусульмане, не являвшиеся казаками.

Представители мусульманского духовенства казаками не считались, но были и исключения, когда служители мечетей все-таки являлись членами казачьей общины. Обычно подобное имело место, если это были не приезжие лица, а представители местного казачества, после выхода из полевого разряда (или даже раньше) изъявившие желание служить при мечети. Так, например, в начале марта 1889 г. те же «Уральские войсковые ведомости» писали: «Исключается из списков наличного комплекта казак постановки 1888 г. Ахметжан Мухамбетжанов Халилов, житель 2-й Уральской станицы, определенный на должность азанчия Уральской пяти-временной мечети» [13, 1889. №10]. Правда, верхушка исламского духовенства, в частности ахуны, как правило, были приезжими. К началу XX в. в Уральском войске ахунов было трое: в Уральске это Абдул-Салих Ишкулов, в Илецке – Абдул-Галлям Давлетшин, в Сламихинской – Губайдулла Галькиев [7, с.325].

Функции исламского духовенства фактически приравнивались к государственной службе, отчего на них распространялась власть как областного, так и войскового руководства. Как и все прочие служащие, они периодически получали награды от светских (в том числе военных) властей за свою «безупречную службу». Вот, например, что писали «Уральские войсковые ведомости» от 8-го февраля 1870 г.: «Государь Император соизволил пожаловать старшему ахуну Уральских мечетей Мухаммед-Шариф Тухватуллину-Сапараеву, серебряную медаль с надписью «За усердие», на Станиславской ленте» [13, 1870. №6].

Регулярно получали награды и казахские чиновники. Одни из них руководили казахскими волостями Уральской области, другие занимали в областном правлении должности, функциональные обязанности которых были связаны с управлением казахской частью области. Так, 20 сентября 1870 г. те же «Уральские войсковые ведомости» сообщали о награждении за «особые труды по введению в действие нового положения в Оренбургских степях» четырех человек (Чулака Айбасова, Омара Казыева, Сарыходжу Сарыдулина и Тулегена Исенжанова) золотыми медалями на Аннинской ленте. Еще трое (Ачигбай Лепесов, Котходжа Сарыдулин и Асхиджан Каратаев) были удостоены серебряных медалей на Аннинской ленте. Причем эти награды «Всемиловейше соизволил пожаловать, в седьмой день августа» сам император Александр II «по всеподданнейшему докладу» министра внутренних дел [13, 1870. №37].

В конце 1872 г. очередные награды царь пожаловал «за служебные отличия» новой партии казахских чиновников, в которой трое из десяти человек получили уже следующие (после 1870 г.) награды. Это Казыев, Сарыдулин и Лепесов. Первые двое получили золотые медали с надписью «За усердие» на Владимирской ленте, третий – серебряную медаль с такой же надписью и на такой же ленте. Этим же награды были удостоены и все остальные [13, 1873. №11].

Некоторые из этих лиц имели казачьи чины, но не офицерские, хотя и близкие к ним. Сарыходжа Сарыдулин был зауряд-сотником, а Ачигбай Лепесов и Иильман Суйлеманов – зауряд-хорунжими. Такие чины давались в том случае, когда их обладатели по тем или иным причинам формально не имели права на офицерские чины (в данном случае – сотника и хорунжих), но занимали должности, соответствующие данным чинам. Упомянутые зауряд-офицеры были помощниками уездных начальников (эти посты занимали уже русские).

Участие в среднеазиатских кампаниях принимали не только мусульмане, несшие казачью службу, но и мусульмане, формально казаками не являвшиеся. Свидетельством тому может служить награждение двух казахов (хотя и запоздалое) за боевые качества, проявленные в последнем хивинском походе. «Государь Император, в 25 день октября 1877 г., Высочайше соизволил пожаловать знаки отличия Военного Ордена 2-й степени киргизам Уральской области Иржану Чулакову и Мангышлакского пристава Тлегеню Исенжанову, за оказанные ими отличия во время Хивинского похода в 1873 году», – писали «Уральские войсковые ведомости» [13, 1878. №1].

Подводя итог, надо отметить следующее:

- обычно «татарами» в Уральском войске называли всех казаков, исповедовавших ислам; в разные периоды исключения, характерные для них, встречались, но очень редко («кизельбаши», «бухарцы», «киргизы» и т.п.);

- татары ногайского происхождения были коренными жителями побережья Урала и составляли основную массу казаков-мусульман. Их язык гораздо ближе к казахскому, чем к классическому татарскому (волжско-камскому), отчего их легко спутать с казахами, хотя сами они «киргизами» себя не считали;

- казаки-татары обычно компактно проживали в поселках с татарским населением. Также в Уральском казачьем войске имелись поселки со смешанным (русско-татарским) населением, но и в этом случае у татар, как правило, были свои районы или слободы (если это были города);

- с середины XVIII вплоть до начала XX в. доля татар среди яицких (позже – уральских) казаков оставалась относительно стабильной и составляла 5–5,5 процентов;

- между татарами и представителями других народов (прежде всего русскими) ни межэтнических, ни межконфессиональных конфликтов зарегистрировано не было;

- на всем протяжении истории Уральского войска, в разные ее периоды, татары присутствовали как в войсковой администрации, так и среди боевого офицерства, но доля их была незначительной и примерно соответствовала их доле во всей казачьей общине;

- потомки казахских ханов и султанов, также числившиеся татарами, имели (необязательно на официальном уровне) гораздо больше возможно-

стей при назначении на должности и продвижении по службе, нежели их соплеменники из числа простолюдинов, которым доступ в правящие или командные структуры фактически был закрыт;

– среди татар, как и среди русских, попадались казаки, запятнавшие честь мундира, что вполне естественно: в любой общине найдутся ее недостойные представители. Как и у русских, наряду с пьяными драками, кражами и «потаенным» ловом рыбы, традиционным преступлением было мародерство в ходе военных действий или грабежи «инородческого» населения в местах дислокации наших войск;

– казаки из татар участвовали во всех войнах, что вела Россия, как на западе, так и на востоке (а одно время даже и на Кавказе). Обвинять их в религиозной солидарности с мусульманами из числа противников или в отказе воевать с единоверцами нет никаких оснований. Многие татары-казаки отличились как в среднеазиатских кампаниях, так и при «наведении порядка» в Казахской степи;

– татары-казаки чаще русских пытались на законных основаниях уклониться от военной службы благодаря «наемке». Главная тому причина в том, что доля казаков, занимавшихся коммерцией, у них была больше, чем у русских. Но благодаря этому, доля тех, кто занимался благотворительностью и меценатством, у татар была, пожалуй, даже выше, чем у русских.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско: статистическое описание в двух томах: с 10 картами. Т.1. Уральск: Уральское войсковое хозяйственное правление, 1891. 947 с.
2. *Гуляев А.Л.* Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Тип. В.И. Жаворонкова, 1882. 82 с.
3. Казачий вестник (еженедельная газета, г. Уральск). 1991. №4.
4. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч.1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск: Войсковая типография, 1911. 904 с., прил. 95 с.
5. *Паллас П.С.* Путешествия по различным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. 786 с.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления, 1898. 258 с.
7. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск: Типография газеты Уралец, 1900. 388 с.
8. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1915 год. Уральск: Обл. стат. ком., 1915. 134 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т.LXXXVIII. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 125 с.

10. *Потто В.А.* Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник. 1900. Т.81, №7. С.110–135.

11. *Рябинин А.Д.* Уральское казачье войско. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.1. СПб.: Изд. ГУГШ, 1866. 419 с.

12. *Терентьев М.А.* Хивинские походы русской армии. Изд. 3-е. М.: Изд-во «Вече», 2016. 464 с.

13. Уральские войсковые ведомости (еженедельная газета, г. Уральск).

14. *Хорошихин М.П.* Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Изд. 2-е. Уральск: Войсковая типография, 1889. 71 с.

15. Энциклопедический словарь: Ф.Брокгауз – И.Ефрон. Т.III. СПб.: Семёновская Типолитография (И.А. Ефрона). 1891. 492 с.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 21.12.2023

Принята к публикации 05.02.2024

Tatar-Cossacks of the Ural Cossack army in the service of the Russian Empire

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

This article examines the functioning of the Tatar (Turkic-Muslim) diaspora in the Ural (Yaik) Cossack army: its history, number of population, places of compact residence of its representatives, their military and civil service, some elements of their social life and relations with representatives of other ethnic groups and faiths and, in general, their role and place in the Ural Cossack army.

Keywords: Ural (Yaik) Cossack army, Tatars, Muslims, Turks, Central Asian military campaigns, suppression of unrest in the Kazakh steppe

For citation: Dubovikov A.M. Tatar-Cossacks of the Ural Cossack army in the service of the Russian Empire. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.52–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.52-70> (In Russian)

REFERENCES

1. Borodin N.A. *Ural Cossack army: statistical description in 2 volumes: with 10 maps*. Vol.1. Uralsk: Ural Military Economic Board, 1891. 947 p. (In Russian)
2. Gulyaev A.L. *Campaign on Amu Darya and Tekinsky oasis of the Ural Cossacks in 1880–1881*. Uralsk: V.I. Zhavoronkov Publ., 1882. 82 p. (In Russian)
3. *Cossack Bulletin* (weekly newspaper, Uralsk). 1991, no.4. (In Russian)
4. Karpov A.B. *Uraltsy. Historical essay*. Part 1: The Yaik army from the formation of the army to the census of Colonel Zakharov (1550–1725). Uralsk: Military Publ., 1911. 904 p. (In Russian)
5. Pallas P.S. *Travels to various provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1809. 786 p. (In Russian)
6. *Memorial book and address-calendar of the Ural region for 1898*. Saratov: Provincial Government Publ., 1898. 258 p. (In Russian)
7. *Memorial book and address-calendar of the Ural region for 1900*. Uralsk: Uralets newspaper Publ., 1900. 388 p. (In Russian)
8. *Memorial book and address-calendar of the Ural region for 1915*. Uralsk: Regional Statistical Committee Publ., 1915. 134 p. (In Russian)
9. *The first general census of the population of the Russian Empire*. Vol.88. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior, 1904. 125 p. (In Russian)
10. Potto V.A. The death of Rukin's detachment in 1870. *Historical Bulletin*. 1900, vol.81, no.7, pp.110–135. (In Russian)
11. Ryabinin A.D. *Ural Cossack army. Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff*. Part 1. St. Petersburg: Main Directorate of the General Staff Publ., 1866. 419 p. (In Russian)
12. Terentyev M.A. *Khiva campaigns of the Russian army*. 3rd edition. Moscow: Veche Publ., 2016. 464 p. (In Russian)
13. *Ural military statements* (weekly newspaper, Uralsk). (In Russian)
14. Khoroshkhin M.P. *Heroic feat of the Urals. Case under Icahn on December 4, 5 and 6, 1864. 2nd edition*. Uralsk: Military Publ., 1889. 71 p. (In Russian)
15. Brockhaus F.A. Efron I.A. *Encyclopedic Dictionary*. Vol.3. St. Petersburg: Semenov Publ., 1891. 492 p. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received December 21, 2023

Accepted for publication February 5, 2024